

> МАГИСТРАЛЪ >

ИЭН МАКБЮЭН

Искушение

Москва
2022

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М17

Ian McEwan
ATONEMENT

Copyright © 2001 by Ian McEwan

Перевод с английского *Ирины Дорониной*

Иллюстрация на обложке *Н. Портяной*

М17 **Макьюэн, Иэн.**
Искупление / Иэн Макьюэн ; [перевод с английского
И. Дорониной]. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с. — (Ма-
гистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-161337-2

Иэн Макьюэн — один из авторов «правлящего триумвирата» современной британской прозы (наряду с Джулианом Барнсом и Мартином Эмисом), лауреат Букеровской премии за роман «Амстердам».

«Искупление» — это поразительная в своей искренности «хроника утраченного времени», которую ведет девочка-подросток, на свой причудливый и по-детски жестокий лад переоценивая и переосмысливая события «взрослой» жизни. Став свидетелем изнасилования, она трактует его по-своему и приводит в действие цепочку роковых событий, которая «аукнется» самым неожиданным образом через много-много лет...

В 2007 году вышла одноименная экранизация романа (реж. Джо Райт, в главных ролях Кира Найтли и Джеймс МакЭвой). Фильм был представлен на Венецианском кинофестивале, завоевал две премии «Золотой глобус» и одну из семи номинаций на «Оскар».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-161337-2

© Дорониная И., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается Анналине

— Мисс Морланд, дорогая, подумайте о существовании этих ужасных подозрений. Какие были у вас основания? Вспомните, в какой стране, в каком веке мы живем. Вспомните, что мы англичане, что мы христиане. Попробуйте воспринять жизнь по-настоящему, посмотрите вокруг себя. Разве наше воспитание готовит нас к таким извращениям? Разве наши законы им потакают? Могли бы они остаться незамеченными в стране, в которой печать и общественная деятельность находятся на таком высоком уровне, где все люди добровольно подглядывают друг за другом и где благодаря развитию газет и дорог ничто не может ускользнуть от всеобщего внимания? Милейшая мисс Морланд, что за мысли бродят в вашей головке?

Они дошли до конца галереи. И она со слезами стыда убежала к себе в комнату.

Джейн Остин.

«Нортенгерское аббатство».

(Перевод С. Маршака)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Пьеса, для которой Брайони рисовала афиши, делала программки и билеты, сооружала из ширмы кассовую будку и обклеивала коробку для денежных сборов гофрированной красной бумагой, была написана ею за два дня в порыве вдохновения, заставлявшем ее забывать даже о еде. Когда приготовления закончились, ей не оставалось ничего, кроме как созерцать свое творение и ждать появления кузенов и кузины, которые должны были прибыть с далекого севера. Порой повергающая в ужас, порой грустная до слез, пьеса представляла собой историю любви; идея ее, коротко изложенная в стихотворном прологе, состояла в том, что любовь, основанная не на здравом смысле, обречена. За свою безрассудную страсть к нечестивому графу-иностранцу героиня, Арабелла, расплачивается тем, что во время поспешного бегства со своим избранником в некий городок у моря заражается холерой. Покинутая им и едва ли не всем миром, прикованная к постели на каком-то чердаке, она вдруг открывает в себе чувство юмора. Судьба дарует ей еще один шанс в лице нищего доктора, под маской которого на самом деле скрывается принц, решивший посвятить себя служению страждущим. Исцеленная им Арабелла на сей раз поступает благоразумно, за что вознаграждается примирением с семьей и союзом с лечащим принцем. Их свадьба происходит «ветреным, но солнечным весенним днем».

Миссис Толлис читала семь страниц «Злоключений Арабеллы», сидя за туалетным столиком у себя в спальне, при этом писательница все время стояла рядом, обнимая ее за плечи. Брайони напряженно всматривалась в лицо матери, стараясь не упустить ни малейшего отражения эмоций, и Эмилия Толлис, чтобы сделать приятное дочери, то демонстрировала тревогу, то давилась от смеха, а в конце изобразила благодарную улыбку и одобрительно закивала, после чего, обняв девочку и усадив себе на колени — о, это ощущение горячего гладкого тельца, памятное еще с его младенчества и все еще не покинувшее, во всяком случае, не совсем покинувшее ее! — сказала, что это пьеса «чрезвычайной важности», и немедленно согласилась, прошептав это в тугой завиток девичьего ушка, чтобы ее слова были процитированы на афише, которой предстояло красоваться на мольберте при входе в вестибюль рядом с кассовой будкой.

Тогда Брайони едва ли подумала об этом, но то был кульминационный момент ее затеи. Все остальное не могло сравниться с этим ощущением огромного удовлетворения и свелось лишь к мечтам и разочарованию. Тем летом в сумерках, после того как свет в ее комнате гасили и она ныряла в уютную темноту своей осененной балдахинном кровати, бывали моменты, когда сердце ее начинало усиленно биться от томительных ярких фантазий, представлявших собой короткие пьески, неизменным участником которых был Леон. В одной из таких пьесок его широкое добродушное лицо искажалось от горя, когда Арабелла, оставшись в полном одиночестве, впадала в отчаяние. В другой он предстал с бокалом в руке в какой-нибудь модной городской пивнушке и хвастался перед друзьями: «Да, моя младшая сестра Брайони Толлис — писательница, вы не могли не слышать о ней». В третьей он победно потрясал в возду-

хе кулаком после того, как опускался занавес, хотя никакого занавеса на самом деле не было, его просто невозможно было повесить. В сущности, ее пьеса предназначалась не для кузины и кузенов, а для брата, была написана в честь его возвращения. Брайони рассчитывала вызвать его восторг и, отвадив от бесчисленной череды легкомысленных подружек, наставить на верный путь поисков такой жены, которая убедит его осесть в деревне и любезно попросит Брайони стать подружкой невесты на их свадьбе.

Брайони была из тех детей, что одержимы желанием видеть мир упорядоченным. Если комната ее старшей сестры представляла собой сущий бедлам, где были беспорядочно навалены неразрезанные книги, нераспакованные вещи, постель никогда не заправлялась, а окурки из пепельниц не выбрасывались, то комната Брайони являлась храмом божества порядка: на игрушечной ферме, расположившейся на широком подоконнике глубоко утопленного в стене окна, было множество обычных животных, но все фигурки смотрели в одну сторону — на свою хозяйку, словно готовились по ее знаку дружно грянуть песню, и даже куры находились в аккуратном загончике. Честно говоря, комната Брайони была единственной комнатой на верхнем этаже, в которой царил порядок. Ее куклы, сидевшие прямо в своем многокомнатном домике, казалось, придерживались строгой инструкции не прислоняться к стенам; всевозможные фигурки размером с большой палец, расставленные на туалетном столике, — ковбои, водолазы, человекообразные мыши, — ровностью рядов и интервалов между ними напоминали гражданское ополчение в ожидании приказа.

Любовь к миниатюрам была одним из проявлений приверженности Брайони к порядку. Другим проявлением можно было считать страсть к секретам: потайной ящичек в ее полированном комодe открывался нажатием на нуж-

ный узелок в хитроумно выточенном соединении типа «ласточкин хвост». Там она хранила дневник и блокнот, испи­санный лично ею изобретенным шифром. В игрушечном сейфе с шестизначным кодовым замком покоились письма и открытки. Старую оловянную коробочку для карманных денег она прятала под половицей под кроватью. В кор­обочке лежали сокровища, собранные за последние четыре года, — начало коллекции она положила в день своего де­вятiletия. Здесь находились двойной желудь-мутант, ку­сочек пирита, купленный на ярмарке магический амулет, предназначенный для моления о ниспослании дождя, лег­кий как перышко беличий черепок.

Но потайные ящички, запирающиеся дневники и крип­тографические записи, по сути, ничего не меняли: у Брайо­ни никогда не было секретов. Стремление к гармоничному, упорядоченному миру лишало ее возможности совершать безрассудные поступки. Насилие и разрушение являлись, по ее представлениям, проявлениями хаоса, в ее натуре от­сутствовала жестокость. Ввиду действующего статуса един­ственного маленького ребенка в семье, а также относитель­ной изолированности дома Толлисов Брайони оказывалась отрезанной, по крайней мере во время долгих летних ка­никул, от подруг с их девчачьими интригами. В ее жизни не было ничего достаточно интересного или постыдного, что нуждалось бы в утаивании; о беличьем черепке, хра­нившемся под половицей, не знал никто, но никто и не стремился узнать. Впрочем, все это она вовсе не считала особым несчастьем, вернее, так казалось потом, когда все уже разрешилось.

В одиннадцатилетнем возрасте Брайони написала свой первый рассказ — нелепый, похожий на дюжину народ­ных сказок и лишенный, как она поняла позднее, того знания жизни, которое позволяет добиться читательско-

го уважения. Но первый неудачный опыт показал ей, что воображение само по себе источник тайн: начиная писать рассказ, нельзя было никому ничего говорить. Словесная игра — вещь слишком зыбкая, уязвимая, слишком сокровенная, чтобы посвящать в нее кого бы то ни было. Даже выводя на бумаге всего лишь «он сказал» или «а потом», Брайони вздрагивала, чувствуя, как глупо полагать, будто наверняка знаешь что-либо о чувствах воображаемого человека. Описание слабостей персонажа неизбежно чревато саморазоблачением: читатель невольно заподозрит, что она описывает себя, — разве могло быть иначе? Только когда повествование завершалось, все судьбы прояснялись и коллизия вполне вырисовывалась, так что рассказ походил, по крайней мере в этом отношении, на любое другое законченное сочинение, она могла почувствовать себя защищенной и оказывалась готова, проделав дырочки в полях, сшить страницы веревочкой, нарисовать красками или просто карандашом обложку и показать законченную работу матери или отцу, если тот был дома.

Ее усилия встречали поддержку. Более того, приветствовались, поскольку Толлисы начинали понимать, что дитя семьи обладает нетривиальным мышлением и владеет словом. Долгие летние дни она проводила, роясь в словарях и энциклопедиях в поисках словосочетаний, которые, несмотря на их кажущуюся абсурдность, а может, именно благодаря ей, западали бы в память: монеты, которые негодяй прятал в кармане, были у нее «эзотерическими»; бандит, пойманный на краже автомобиля, плакал в порыве «бесстыдного самооправдания»; героиня на чистопородном жеребце совершала «мимолетное» ночное путешествие, а чело короля, когда тот сердился, бороздили «иероглифы» морщин. Брайони часто просили почитать ее рассказы

вслух в библиотеке; родители и старшая сестра удивлялись тому, с какой смелостью делает это их тихая девочка, как раскованно она жестикулирует свободной рукой, как изменяет выражение лица, имитируя речь того или иного персонажа, как время от времени на секунду-другую отрывается от текста, чтобы обвести взглядом лица слушателей, без смущения требуя от семьи безраздельного внимания, завораживая всех своим мастерством рассказчицы.

Но даже при отсутствии внимания, похвал и очевидного поощрения со стороны близких Брайони не могла бы не сочинять. К тому же, как многие писатели до нее, она начинала понимать, что не всякое признание идет на пользу. Например, бурный восторг Сесилии казался несколько преувеличенным, быть может, чуть-чуть окрашенным снисходительностью, а еще навязчивым. Взрослая сестра желала, чтобы был составлен каталог «изданных» рассказов Брайони и все они заняли свое место в библиотеке, на книжной полке между Рабиндранатом Тагором и Квинтом Тертуллианом. Если в этом и таилась насмешка, Брайони игнорировала ее. Она уже встала на курс и находила удовлетворение на иных уровнях; сочинение рассказов не только предполагало тайну, но и позволяло наслаждаться процессом миниатюризации. Ей было дано создать целый мир, причем гораздо более увлекательный, чем игрушечная ферма, всего на пяти страницах. Детство избалованного принца можно было вместить в полстраницы, бегство лунной ночью через спящие деревушки описать одной ритмически организованной фразой, а зарождение любви — двумя словами: *вспыхнувший взгляд*. Листки с только что законченным рассказом, казалось, трепетали в ее руке от заключенной в них жизни. Была удовлетворена и ее страсть к порядку, поскольку неуправляемый мир она могла таким образом сделать управляемым. Кульминацию дра-

мы героини в ее власти было совместить с бурей и градом, штормом и громом, в то время как свадебные пиры обычно осенялись легким ветерком и мягким светом. Поклонение порядку влияло также и на представление Брайони о справедливости; смерть и свадьба были основами семейного уклада, смерть становилась уделом исключительно сомнительных личностей, свадьба оказывалась воздаянием достойным персонажам, и награду эту они получали в самом финале.

Пьеса, написанная к возвращению Леона домой, была ее первым драматургическим опытом, давшимися Брайони, однако, без особого труда. Ей показалось огромным облегчением перестать выводить все эти бесконечные «он сказал», «она сказала», не описывать погоду, первые признаки весны или внешность героини — диапазон красоты, как она обнаружила, весьма ограничен, в то время как уродство имеет бесчисленное множество личин. В драме вселенная сокращалась до конкретного высказывания, и в этом заключался истинный, почти идеальный порядок, а в качестве компенсации каждая реплика выражала чувства в их крайних проявлениях, при которых восклицательные знаки незаменимы. «Злоключения Арабеллы» можно было назвать мелодрамой, если бы автору был знаком этот термин. Предполагалось, что пьеса будет вызывать у зрителей не смех, а ужас, принесет им облегчение и преподаст урок — именно в таком порядке, поэтому невинная страсть, с которой Брайони готовила свой проект — афиши, билеты, касса, — делала ее особенно уязвимой перед возможностью провала. Она легко могла бы сочинить в честь возвращения Леона еще один рассказ, но новость о том, что с севера к ним надолго приезжают кузены и кузина, заставила ее предпринять вылазку в область новых художественных форм.

Для Брайони особого значения не имело, что пятнадцатилетняя Лола и девятилетние близнецы Джексон и Пьеро были беженцами, пострадавшими в ходе суровой домашней гражданской войны. Она слышала, как ее мать критиковала импульсивное поведение своей младшей сестры Гермiony и сокрушалась по поводу ситуации, в которой оказались трое детей, а также осуждала своего слишком мягкого, трусливого зятя Сесила, сбегавшего ради собственного спокойствия в Оксфорд, в колледж Всех Святых. Брайони слышала, как мать с сестрой анализировали последние семейные скандалы, выходки, взаимные обвинения, и знала, что кузены и кузина приезжают на неопределенный срок, вероятно, на целый учебный семестр. Считалось, что дом Толлисов может принять еще троих детей и Куинси вольны жить здесь сколько пожелают, однако их родителям, если те когда-либо захотят навестить своих отпрысков в одно и то же время, придется выяснять отношения в другом месте. Две комнаты рядом с комнатой Брайони чисто вымели, повесили там новые занавески и притащили мебель из других помещений. В иных обстоятельствах она принимала бы в этих приготовлениях живое участие, но они совпали с двухдневным приступом ее творческого вдохновения и началом реконструкции фасада дома. У Брайони было смутное представление о том, что развод — это несчастье, но она никогда не сталкивалась с этим процессом непосредственно и не думала о нем. Для нее развод был одним из печально неизбежных осложнений повседневной жизни, не дающим пищи для рассказчика, ибо принадлежал к сфере беспорядка. Иное дело брак, вернее, свадьба с ее строгим ритуалом вознаграждения добродетели, с вызывающими трепет торжественными церемониями и банкетами, с обещанием вечного союза. Свадьба была также скрытой аллегорией плотского блаженства, по-

ка еще для Брайони невообразимого. Шествуя по проходам сельских церквей и великолепных городских храмов под одобрительными взглядами многочисленных родственников и друзей, ее герои и героини достигали невинной кульминации, не нуждавшейся в продолжении.

Если развод представлял собой подлую антитезу всему этому, его можно было без раздумий бросить на другую чашу весов вместе с предательством, болезнями, воровством, оскорбительным поведением и лживостью. В глазах Брайони развод имел отвратительную личину скучной запутанности и бесконечной вражды. Как перевооружение, или абиссинский вопрос, или садоводство, он просто не входил в сферу ее интересов. Когда на исходе заполненного томительным ожиданием субботнего утра Брайони услышала под окном спальни шорох колес по гравию, она, схватив свои листки, сбежала по лестнице в холл и выскочила на ослепительный дневной свет. Первым делом она крикнула своим ошалевшим с дороги юным гостям, зажатым вещами в салоне автомобиля:

— Вот ваши роли, все расписано. Завтра премьера! Репетиция начнется через пять минут! — Но это можно было счесть скорее свидетельством ее преувеличенного творческого самолюбия, чем бесчувственностью.

Тут же на крыльце появились мать и сестра, скорректировавшие поспешное объявление Брайони. Гости — все трое рыжеволосые и веснушчатые — были препровождены в свои комнаты. Вещи туда перенес Дэнни, сын Хардмена. Потом все подкрепились горячими напитками в кухне, совершили экскурсию по дому, получили возможность поплавать в бассейне и, наконец, пообедали в саду на южной стороне дома, под сенью виноградных лоз. Все это время Эмилия и Сесилия непринужденно болтали, стараясь дать возможность гостям почувствовать себя свободно, а на са-